

эмпирического человека, которого он понимает, прежде всего, как часть природы, чувственно - телесное существо. Антропологический принцип, являющийся стержнем всей его философии, предполагает именно такое понимание человека. Антропологический монизм Фейербаха направлен против идеалистического понимания человека и дуализма души и тела и связан с утверждением материалистического взгляда на его природу. Но самого человека Фейербах понимает слишком абстрактно. Его человек оказывается изолированным от реальных социальных связей, отношений и деятельности. В основе его философской антропологии лежат отношения между Я и Ты, при этом особенно важными в этом плане оказываются отношения между мужчиной и женщиной.

Концепция сверхчеловека по Фридриху Вильгельму Ницше

Сикорский Артём, студент группы SER-093

Идеал по Ницше наиболее подробно раскрыт в работе «Так говорил Заратустра» (1883-1886). *«По форме эта большая страстная книга является рассказом о странствиях Заратустры – персонажа, основанного на образе иранского пророка шестого века до нашей эры Зороастра (Заратустра – латинизированная форма этого имени), но сообразованного с поэтическим и философским замыслом Ницше».* (1, с.589-590) Исследователи отмечают, что данная книга *«строится как своего рода травестийное Евангелие: достаточно вслушаться в стиль и обороты речи Заратустры, его обращения к ученикам, разговор притчами и образами, загадками и ответами, и пр. То есть Заратустра выступил как новый Христос, точнее, анти-Христос, подменяя Его и выдвигая новые ценности».* (4, с.19)

Ницшевский Заратустра говорит, что человечество, как таковое, не имеет единственной цели или всеобщей морали: *«Тысяча целей существовала до сих пор, ибо существовала тысяча народов. Недостаёт ещё только цепи для тысячи голов, недостаёт единой цели. Ещё у человечества нет цели».* (6, с.44) Заратустра и хочет

заполнить эту моральную лакуну и возвещает объединяющую людей цель. Эта цель - *ubermensch* (сверхчеловек). (2, с.236)

Однако, что такое *ubermensch* (сверхчеловек)? *«В качестве идеала, к которому мы должны стремиться в своем человеческом обличе, эта идея выступает как исключительно неопределенная и неконкретная цель. <...> Ubermensch (сверхчеловек) противопоставляется тому, кого Ницше называет «последний человек» (der Letzte Mensch), и кто стремится как можно больше походить на всех других, который счастлив просто потому, что счастлив: «Счастье найдено нами», - говорят последние люди и моргают». (6, с.12) «Это – стадный человек современной ему эпохи, и Ницше-Заратустра презирует его».* (2, с.238) В одной из своих работ мыслитель писал: *«...цель человечества не может лежать в конце его, а только в его совершеннейших экземплярах». Этим «совершеннейшим экземпляром» может стать каждый, но далеко не каждый реализует эту потенциальную возможность; констатация этого печального факта и заставляет Ницше обращаться не к каждому, а к избранным».* (3, с.110) И вот Заратустра говорит:

«Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?»

Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, - канат над пропастью.

В человеке важно то, что он переход, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу.

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто карает своего Бога, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью».

*«Человек одновременно переход и гибель. Мы превосходим себя, преодолевая нечто в самих себе, и это то, что гибнет и оставляется нами. Мы погибаем главным образом как человеческие существа ради того, чтобы стать чем-то более возвышенным. Человеческая жизнь есть жертва (или должна ею быть) во имя не чего-то транс- или экстрачеловеческого, а во имя достижимого для нас, жертва, придающая нам силы преодолеть (частично) самих себя. В отличие от аскетического идеала этот идеал не является деморализующим. Он не подчеркивает нашу никчемность, а определяет наши достоинства как находящиеся в процессе изменения. Мы превосходим себя вчерашних, но еще не доросли до себя будущих, и нам предстоит найти более возвышенный образ себя как живых существ. *Ubertensch* (сверхчеловек) – это не белокурая бестия. Белокурая бестия остается позади, будем надеяться, навсегда. *Ubertensch* (сверхчеловек) – впереди». (2, с.238-239)*

«Позиция Ницше на стороне человека, способного к подвигу, к преодолению себя. Бытие изначально не порочно, оно стало таковым, потому что человек перестал верить в себя, избрал путь слабого. Человеку нужно преодолеть себя. Он вправе ожидать к себе отношения не как к тому, кто нуждается в жертве. Убежденность в том, что человек слаб, вызывает и убежденность в том, что он с необходимостью примет жертву, нуждается в ней, жертвуя ему, его лишают выбора, ограничивают его свободу». (5, с.100)

*«Есть некоторая ирония в том, - пишет А. Данто, - что Ницше наименее оригинален там, где он оказался наиболее влиятельным. Речь идет о древнем, почти языческом идеале, а именно: страсти нужно обуздывать, а не подавлять, в противоположность позиции тех, кто исповедует воздержание, скрывая порочные стремления, а ведь это было официальной моральной рекомендацией до совсем недавних времен. Следовательно, *ubertensch* (сверхчеловек) – это не белокурый гигант, подавляющий своих более мелких собратьев. Это просто радостное, безвинное, свободное человеческое*

*существо, обладающее инстинктивными побуждениями, которые, однако, не поработают его. Он – господин, а не раб своих побуждений, и, следовательно, он в состоянии что-то сотворить из себя, нежели стать продуктом инстинктивных проявлений или внешних препятствий. Сверх этого Ницше мало говорит о деталях, за исключением выражения скрытой похвалы тем, чьи страсти обращены на создание научных, художественных или философских произведений. Он сделал идею об *ubermensch* (сверхчеловеке) изменчивой, а не устойчивой, чтобы ей придали ценность те из нас, кому удастся воплотить ее. Если *ubermensch* (сверхчеловек) воспринимался как задира, чья радость состоит в грубой демонстрации силы, то в этом Ницше должен винить только самого себя.<...> Его величайшим несчастьем был тот буквализм, с каким его интерпретировали даже наиболее симпатизировавшие ему критики». (2, с.240-241)*

А. Данто писал: «Действительно, мы знаем, что Ницше считал, что выживают и доминируют негодные и что все большее и большее количество индивидов, которые становятся все более и более похожими друг на друга, должны будут со временем подавить своей численностью исключительных личностей, которые могли бы прорваться к новой перспективе и более возвышенной форме жизни». (2, с.241-242) Ницше много пишет о "последнем человеке", но, по точному замечанию А. Данто, «в действительности Ницше не верил, что "последний человек" <...> мог бы существовать. Не будет и не может быть последней стадии в человеческом развитии или чего бы то ни было подобного». (2, с.242) В связи с этим Ницше развивает идею "вечного возвращения". Под "вечным возвращением" Ницше подразумевал «не то, что несходные события повторяются, не то, что сходные примеры всегда подпадают под один и тот же закон, ничего из того, что обычный здравый смысл мог бы предположить относительно его идеи, - он имел в виду, что все конкретные и определенные вещи постоянно возвращаются вновь и вновь, именно те самые вещи, а не просто их подобия». (2, с.244) «Образ круга – вечных изменений среди вечного повторения – является символом, таинственным знаком над входной дверью к учению Ницше о сверхчеловеке». (7, с.72)

*«Учение о "вечном возвращении" влечет за собой бессмысленность происходящего, а учение об *ibermensch* является своего рода требованием, обращенным к воле человека, чтобы такой смысл существовал. Эти две идеи взаимосвязаны. При заведенном порядке вещей Заратустра всегда возвращается:*

«...я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей, - чтобы повторять слово о великом полдне земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке.

Я сказал свое слово, я разбиваюсь о свое слово: так хочет моя вечная судьба...»

*Не имеет значения, что мы исчезаем и возвращаемся и снова исчезаем. Важно то, мы делаем это вечно, важен смысл, вкладываемый нами в нашу жизнь, важна радость от преодоления, каков бы ни был наш удел. И все это делается именно ради дела, а не ради каких-то выгод – они всегда будут одними и теми же. То, что мы делаем, имеет исключительно внутреннее, личное значение, либо не имеет никакого значения вообще. Именно мы даем существованию смысл и значение. Мы должны принять на себя этот труд, чтобы наша жизнь имела смысл (хотя мы и не в силах изменить ее в соответствии с нашими пожеланиями): мы должны отстаивать себя, исполняя свое предназначение. <...> Утверждается как императив: *поступай так (или будь таким), как ты желал бы поступать, в точности таким же образом (или быть в точности тем же самым) бесконечное число раз во веки веков.* Если люди будут неуклонно следовать этому правилу, они избавятся от чувства рессантимента. В экзистенциалистских терминах это – довод в пользу аутентичности. Он исключает саму возможность другой жизни, в раю или в аду, признавая лишь вечное возвращение к тому, чем мы являемся в этой жизни. Вместо того, чтобы мечтать о другом мире, лучше осознать, какой освободительной силой обладает предложенный взгляд на мир». (2, с.255-256) Коротко говоря, «замкнутость круга невозможно преодолеть, но можно найти смысл в этом безутешном бесконечном хаосе». (7, с.72) По мнению Ю.В.Синеокой, «этика Ницше – это этика индивидуального спасения сильных личностей, способных к самосовершенствованию. Эти же правила работают*

и в мире творчества, где человеку легче справиться с вечностью, где он волен создавать бесконечное число раз себя самого и новые ценности». (7, с.72)

Актуальность

В заключение, подводя итоги, необходимо отметить, что в учении Ницше, как в любом серьезном нравственно философском исследовании, есть много ценного для нашего времени. Прежде всего, это яркая критика мещанства. Никто до и после Ницше с такой прозорливостью не смог предвидеть всю опасность общества маленьких, серых, покорных людей.

Это, кроме того, неприятие социальной системы, построенной либо на безмерном подчинении какой-либо одной идеологии, либо на принципах утилитаризма и прагматизма, где обесценено главное - личность, ее индивидуальность и неповторимость. _Это идея возвышения человека, преодоление всего мелочного, обыденного, незначительного для жизни. Многие категории нравственного учения Ницше вошли в философско-этическую науку и в наш обыденный язык : "переоценка ценностей", "Сверхчеловек", то есть "которых слишком много"; "человеческое, слишком человеческое"; мораль "по ту сторону добра и зла".

Учение Ницше, по своей сути, противоречиво, потому и не может быть оценено как только негативное или только позитивное. Ницше заставляет думать, сравнивать, размышлять.

Главной позитивной ценностью нравственного учения Ницше, без сомнения, является идея возвышения человека. Ницше с полным правом можно было бы назвать исследователем антропологического метода в философии. В своих нравственных оценках он стремился идти от индивида. Причем сам индивид рассматривался им как бесконечно становящаяся ценность, как процесс, как неисчерпаемость. По Ницше, человечество - это целостность, проявляющаяся через различие. Но абсолютизация неординарности приводила Ницше к парадоксальным выводам. Впрочем, любая абсолютизация приводит к крайностям и в познании и, что всего печальнее, в социально нравственной практике.

Одним из аспектов философского учения Ницше является критика христианской морали. Отметим, что здесь Ницше занимал весьма оригинальную позицию. Он считал, что религия формирует

зависимое, несамостоятельное сознание, смирение, несвободу человека. Для Ницше религия стала символом зависимого "несчастливого" сознания.

Конечно же, содержание и практику христианского учения нельзя свести к подобному его толкованию. Но тем не менее эта точка зрения немецкого мыслителя очень актуальна сегодня. Весьма распространенным является мнение о том, что религия едва ли не единственная нравственная спасительница: только она способна дать человеку подлинный подъем духа; она наиболее действенное средство массового воспитания морали, так как она дает общедоступное представление о сверхнациональном абсолюте, без которого мораль не существует. Трудно сказать, что больше в этом признании: или потребности в "сверхнациональном абсолюте", или снисходительной заботы о человеке из "массы", который только благодаря религии сможет стать нравственным? Ницше верил в возможности самого человека - единственного творца и самого себя, и своей истории.

Библиография

1. Великие мыслители Запада/ Пер. с англ. В. Федорина.- М.: КРОН-Пресс,1999.- 656с.- (Академия).
2. Данто А. Ницше как философ. Пер. с англ. А. Лавровой. –М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001.- 280с.
3. Евлампиев И. И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека // Вопросы философии.- 2002.- №2.- С.102-118.
4. Кантор В. К. Антихрист, или Ожидавшийся конец европейской истории (Соловьев contra Ницше)// Вопросы философии.- 2002.- №2.- С.14-27.
5. Мелих Ю.Б. Утверждение и осуждение индивидуализма у Фридриха Ницше и Владимира Соловьева// Вопросы философии.-2002.- №2.- С.97-101.
6. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2.- М.: РИПОЛ-Классик, 1997.- 863с.- (Бессмертная б-ка).
7. Синеокая Ю. В. Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше// Вопросы философии.- 2002.- №2.- С.69-80.